

ТАТЬЯНА ЩЕГЛОВА

ВЗГЛЯД ЗА ОКНОМ

Татьяна Щеглова
Взгляд за окном

«У Никитских ворот»

2026

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Щеглова Т. Ю.

Взгляд за окном / Т. Ю. Щеглова — «У Никитских ворот», 2026

ISBN 978-5-00246-636-8

О чём эта книга? Новая повесть «Взгляд за окном» передаёт мысли и впечатления, сложившиеся за немалую жизнь взрослого человека, эмоции в ней — сдержанные и лаконичные, как в чёрно-белом кино, когда чётко выстроен кадр, — для тех, кто это прочувствует. Главное действующее лицо — время. Другая повесть и рассказы в большей степени связаны с музыкой. Читателя ждут семейная сага, исторические музыкальные моменты с именами и биографиями известных композиторов и исполнителей.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00246-636-8

© Щеглова Т. Ю., 2026
© У Никитских ворот, 2026

Содержание

Взгляд за окном	6
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Татьяна Щеглова

Взгляд за окном

© Т. Щеглова, текст, 2026

© Н. Дмитриева, обложка, графика, 2026

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2026

* * *

Взгляд за окном

*Наталье Дмитриевой – с любовью «Сегодня травой забвенья хочу
я приправить мой рис, старый год провожая»
Мацуо Басё*

Так вот. Я обретаюсь в маленьком провинциальном городке средней полосы России. Сейчас у нас зима. Взгляд через окно – стоят кружевные деревья, нежные, дивные и графичные, как на японских гравюрах или, по описанию, в архангельских сказках Русского Севера, где я никогда не была. Почему взгляд через окно? Об этом расскажу позже. А сейчас просто люблю происходящим.

Общаясь с художниками, я часто задавалась вопросом, почему они так часто и неизменно пишут свои пленэрные работы с видом из окна? Неужели не лучше выйти на улицу, к людям, полюбоваться живой настоящей природой и это запечатлеть на своих полотнах? А потом поняла: из окна – взгляд скадрированный, более строгий и точный, а если сказать высокопарно, то философский и обобщающий, к чему и сама стремлюсь.

Сколько мне лет? За пятьдесят. Есть муж, сын и внуки, слава Богу, семья. И дом, что называется, полная чаша. Всё есть. И почему же я так настырно рано утром и вечерами смотрю через окно на другую жизнь? Вижу маленький кусочек двора, деревья, соседей, а по ночам – необозримое звёздное небо, где только я и бесконечность. И мысли текут по кругу так же незыблемо и прозрачно. Помимо воли и моих мелких хотений вспоминается всё то, что когда-то случилось, – есть о чём вспомнить! Эпизоды появляются перед внутренним взором, как кадры и фотографии в некой видеохронике.

Моря и реки

Средиземноморье. Турция. С утра было хорошо. Кромка моря до самого горизонта цвета парного молока и сливается с таким же девственно-белым небом (в старину Средиземное море называлось Белым). Редкие одиночки выбираются из отеля: кто-то – бегать трусцой, кто-то – устроиться на лежаке под зонтиком, а кто-то – поиграть с мелкой галькой. Море приветствует всех спокойствием (я почти что стала поэтом). И совершенно не верилось, что величественные спокойные волны настолько безучастны к людским делам, что вот так, запросто, пережили крушение двенадцати цивилизаций, которые некогда мостились на этих берегах. Примерно такие ясные мысли посещали по утрам мою просветлённую и успокоенную голову.

Говорю про цивилизации, которые прежде знала понаслышке, потому что некогда стала автором туристического каталога и выиграла конкурс, а позже на премию оказалась в Турции в отеле «пять звёзд плюс». Как в рекреации, всё включено, и от этого взвоешь. Там и встретила своих соотечественников.

...Мультипликационные яркие краски пейзажа, мясистые непахнущие цветы, услужливый персонал (челюсти сведены от постоянной улыбки), надраенная до блеска территория и ни одной мошки или бабочки на всю округу. В первую же ночь, выйдя на балкон, я поняла, почему: регулярная дезинфекция. Казалось, что этот приветливый яркий пейзаж и всех этих услужливых людей можно свернуть в рулон, как фотообои, и их просто не станет.

Средиземное море тоже не пахло, из-за его солёности вблизи от берега не было ничего живого, кроме туристов. Кстати, о людях. Русских среди отдыхающих уже в первой декаде мая оказалось больше половины. Попугай, чья клетка регулярно появлялась рано утром и исчезала вечером из ресторана отеля, знал два слова, и те по-русски: «привет» и ещё почему «мяу».

Определённо, наших туристов и наши деньги в этой стране ценили.

Ну так вот, однажды, окончательно измаявшись от безделья, я предложила нашим поехать в Ликийю, в места епископа Николая Угодника, Мир Ликийских Чудотворца, где он прежде служил. Набралось несколько человек.

Предлагалась поездка в Демре – как раз к тем ликийским древностям, которые я описала в каталоге, ещё не видя самих этих древностей. В Демре, по-старинному, Мире, служил наш особо почитаемый святой Николай Чудотворец. К поездке было «пристёгнуто» посещение затонувшего города Симена. Маршрут точно такой, какой я обещала клиентам в своём «гламуре». Одним словом, стечение обстоятельств, места и времени, и хорошо бы, не роковое.

Святитель Николай, как я впервые в те незапамятные времена узнала, стал прообразом любимого во всём мире Деда Мороза: Святой Николас, Санта Клаус – это всё о нём. Именно святитель Николай, помогая бедным людям, ввёл правило опускать подарки в чулок и даже переправлял свои дары через печную трубу, отсюда и пошли новогодние традиции! В Турции много кафе с названием «Святой Николас».

В Ликийи я приобрела небольшую бумажную иконку, залитую воском, и пару свечей – они здесь высокие, светлые, благоухают миром.

Вошли под старинные своды, и время будто остановилось. Каждый старинный, руко-творно обработанный камень – как некая буква, знаки складываются в мысль и становятся символами. Фази – умнейшая женщина – провела экскурсию кратко и ненавязчиво, я бы сказала, в лирическом стиле. Батюшка из нашего отеля, хоть я и ждала этого, комментировать и дополнять её речь не стал, быть может оттого, что среди нас были мусульмане.

Группа разбрелась, все пошли кто куда. Я трогала руками старинные камни, бывшие свидетелями древней истории, бед и величия этого края. И мне казалось, что молитвы и сказания «истекали» из них в ответ на мои руки. Время остановилось. Люди распались, как точки, в этой полузасыпанной песком церкви. Каждый – как дополнительный знак в её письменах. Я ещё успела заглянуть в зал с удивительной подкупольной росписью Тайной вечери, на которой изображены два Христа – Спаситель, преломляющий хлеб, и Спаситель, раздающий вино. Наверное, художник использовал это решение, чтобы в круговой росписи ни один из учеников не оказался к Учителю спиной... Умели изъяснить и веру, и благолепие...

О, вечные ценности, с которыми не поспоришь! Не знала раньше, что огромная часть древнехристианского мира сосредоточена на землях нынешней Турции. Святитель Николай, которого многие мои соплеменники считают исконно русским, – в голове всё смешалось... Неведомая прежде печаль разлилась и поплыла по воздуху.

А на обратном пути на яхте с прозрачным дном зашли в те воды, которые снимал Кусто для своих фильмов, увидели под толщей воды те самые двенадцать цивилизаций с утраченными замками и водопроводами, амфорами и другими подводными богатствами, ныне недоступными людям. Ни прежним, не нынешним.

И ещё капитан предложил остановиться в бухте с зелёной водой, изумрудно-зелёной – потому что глубина моря в том месте была запредельной. Желаящим предложили поплавать. Берег был далеко и скалистый. Вызвалась только два человека и я.

Нырять и отдыхая в этой, изумительного цвета, прозрачной воде, я невольно ловила себя на мысли о том, насколько мне ближе наши, русские, реки и как я успела за несколько дней иноземного летнего отдыха по ним соскучиться.

Наши реки! Иной раз своенравные и бурлистые, как батюшка Дон – однажды я, поплыв против течения, неожиданно ухватила в ладонь забавную рыбку – задонского бирючка, которого описывал сам Пушкин, вот и поверь, что в местах нашего региона такие уже не водятся! Или же реки широкие и плавные, как матушка-Волга, где я искупалась во время командировки в Самаре. А ещё есть речки узкие, студёные, с подводными ключами, так что дыхание забирает даже знойным летом – на дачах у подружек такие, там и купалась. Ох, и бодрит!

На этих узких стремительных речках так же, как на Дону, когда плывёшь против течения, надо проявлять недюжинную силу. А зимой даже в весьма зрелом возрасте мы собирались с подругами и расчищали над одной из таких речек снег подо льдом, совсем малый участок под свой каток. Выписывали на фигурных коньках зимние узоры. А под нами виднелись длинные водоросли – они колыхались, как волосы у андерсеновской Русалочки, и плавали рыбки. Природный аквариум. Диво дивное средней полосы России! Такое вот было счастье.

Абсолютный слух

Мы познакомились с ней в больнице. У меня – панкреатит, а у неё – язва. В столовой, где мы обретались каждый со своими индивидуальными мисками и ложками, она резко выделялась из общего контингента очереди за едой: высокая, статная, в длинном платье, с красивыми и плавными движениями, уверенная в себе как большой корабль.

«Однако, подумала я, хорошо бы с ней и познакомиться». Из тех, кто лежал со мной на тот момент в многолюдной палате, большинство были людьми другими, независимо от возраста, не моего круга – либо слушали по сотовому скабрёзные анекдоты и мелодраматические истории, либо ругались друг с другом и обсуждали своих домочадцев. А когда приходила врач, то вытягивали ручки и ножки в полном благоговении. Смотреть на это было невыносимо.

Потом уже, позже, познакомившись с Алей – так её звали, я заходила в её палату «в гости», а она – в мою. Просто поговорить. После капельниц и уколов делать было особенно нечего.

Выписавшись из больницы, мы стали часто общаться по телефону.

Созванивались ни о чём. Она мне рассказывала свои мелкие новости, а я ей – свои, тоже незначительные.

Да, кстати. Тот факт, что она – музыкант, обнаружился позже, когда она наконец-то решилась приехать в мою квартиру на «званный ужин».

Мой муж стоял навытяжку и заранее накрыл стол – он у меня знатный кулинар, и всё семейство было в сборе.

После ужина Аля села за маленький кабинетный рояль, чем меня удивила – сыграла несколько великолепных композиций собственного сочинения – вот тут-то и выяснилось, что она окончила консерваторию и преподаёт теорию и практику в местном музыкальном колледже, ещё и ведёт класс композиции.

Отправив мужа мыть посуду, а своих взрослых детей – по их комнатам, я предложила Алевтине «музыкальную викторину». По очереди играли всё, что придёт на ум, из академической музыки – отрывки из опер, прелюдии Баха, ноктюрны Шопена. Отгадывали композитора, название произведения. Это было не сложно.

Дальше – больше – гармонические последовательности из аккордов, трезвучий и септаккордов, их «обращений» (поясню: это те же самые звуки, звучащие одновременно, но только в другой очередности).

Потом проверили слух, нажимая отдельные ноты – испытуемый должен стоять спиной, не подглядывать. Заранее не сомневалась, что её слух, как и у меня – абсолютный. Так и вышло.

Восторгу моему не было предела.

Тогда же я впервые подумала: а почему бы нам не жить вместе? Общность интересов, взаимопонимание, тонкость чувств, когда всё и без слов понятно. Сразу же выплыло из русских и зарубежных классиков: живут вместе товарки и компаньонки, ведут совместное хозяйство, вместе путешествуют и наслаждаются природой, а вечерами уединяются в своих комнатах за чтением. Такая вот я идеалистка. Платоническая, заметьте.

Эта мысль крепко засела в голове и не отпускала меня. Аля приезжала в наш дом всё чаще, муж радовался гостям – возможности накрыть на стол и поговорить за чашкой чая с

новым человеком, не осознавая, не чувствуя, какая в этом таится для него опасность и подоплёка.

А потом Аля пригласила меня на свою загородную дачу с ответным визитом. С нами, на такси, ехала её бульдожка Кейси – хозяйка называла её разными именами, но это было основным. Породистая собачка ни на миг не выпускала её из глаз, ласковая и преданная, она спала или сидела у её ног. Надёжный и преданный друг. Кейси мне понравилась с первого раза.

Аля уже тогда серьёзно болела, не буду перечислять чем, список длинный, а я на тот момент – чуть поменьше.

И потому с самого утра я собирала овощи на её небольшом огорожке. Сидя на табуретке, мы вместе их резали и готовили то, что получалось, на маленькой электрической плитке.

Большей частью Аля лежала, а я, сидя рядом, о чём-то рассказывала, ведь мы совсем мало знали друг друга! – иногда подруга вставляла свои односложные реплики.

Телевизор не включали совсем. И только вечером проходили сельской тропинкой до ближайшего фонаря, не более двухсот метров туда и обратно, держась за руки, и то уже было и утомительно, и радостно для обеих, а больше ходить не получалось. Одним словом, мы были счастливы.

Тогда-то Аля и сказала:

– А мужа своего куда денешь?

Конечно же, я опешила, хотя в глубине души, подсознательно, давно крутила этот вопрос, не признаваясь в том самой себе. Только моя новая подруга, с которой я знакома не более полугода, сформулировала его чётко и ясно. Что значит теоретик музыки с консерваторским образованием!

– Алечка, я не знаю, – пролепетала в ответ.

Мне нравилось в ней всё. Небрежность в одежде, полное безразличие к быту и дамским мелочам, которые я ей дарила, а она сбрасывала в сумку, почти не разглядывая. Пофигизм ко всему, кроме музыки. Прежде у меня таких знакомых не было. Это подкупало.

Однажды я её спросила:

– А какой нынче пошёл студент?

– В большинстве – ленивый и безразличный. Но среди них есть очень талантливые, таких единицы.

Аля возглавляла в колледже отделение теоретиков и сбросила мне на телефон фото своих лекций по музыкальной литературе, написанных чётким и ясным почерком, потом – видео выступлений учеников, будущих композиторов.

Я была очарована ею всё больше и больше. Да что и говорить, уже и жить без неё не могла.

– Новый год встретим у меня, – безоговорочно сказала она. – Я закажу что-то в ресторане, готовить не люблю. А ты принеси что захочешь. Кроме тебя не будет никого. Не хочу делить тебя ни с кем, даже с подругами.

Я согласилась.

Она не дожила до нового года совсем немного. Остановилось сердце.

Для меня это была большая потеря, неожиданная и сокрушительная. Думаю над этим и скорблю до сих пор. В голове не укладывается...

О правде и лжи

Очень-очень давно, когда мне было одиннадцать лет, я начала вести свой дневник, где записывала эмоции от увиденного, а позже – впечатления от прочитанных книг, концертов и выставок, иногда прилагались цитаты и мои маленькие зарисовки или первая проба пера – стихи. Записи свои вела до девятнадцати лет, сложились несколько толстых тетрадей.

Теперь я удивляюсь тому, что могла в столь раннем возрасте запечатлеть столь серьёзное, важное, с чем и сейчас согласна. К примеру: «Взгляд из окна. Протоптаные извилистые тропинки на снегу, зимой, если посмотреть сверху, говорят о лукавстве людей, ведь можно было бы пойти прямо, прямо тропинку протоптать».

И почему же мы не говорим прямо о том, что думаем? И почему же не прямо, без ясности живём? Ответ – тропинки на снегу...

За себя скажу: на газетной полосе (пора сказать о своей профессии – музыкант и журналист) старалась говорить прямо и после критических статей, когда, что называется, «летели головы», стояла на своём.

Они, противоборствующая сторона, что только ни делали. Но умный редактор, который обучил мастерству помимо и больше университета, который я окончила, сказал:

– Юрьевна, выкладывай на полосу только 30 процентов информации, а всем остальным их и прижмём, это как джокер в рукаве.

Он был прав, до судов не доходило. Когда они приходили жаловаться, мой редактор с мудрой улыбкой на устах хитро спрашивал:

– Так вы почитайте, а может – добавить? А то и опубликуем.

На том и мирно расставались.

Да, в те годы я выдерживала многую критику, держала оборону в битвах газеты и, главное – от своих домашних за то, что много бегаю по работе, днём с огнём меня не найдёшь дома, и ночами всё что-то пишу вместо того, чтобы нежиться в супружеской постели и пылких объятиях.

Биться приходилось за посторонних людей, прежде мне незнакомых, своих я мало обиживала. И как они только терпели?

Владимир Щедрин, мой старинный друг, реставратор, писатель и философ, на вопрос о правде и лжи сказал: «Я стараюсь не врать, потому что забудешь, кому что сказал, и после будешь выглядеть идиотом».

Согласна, я тоже старюсь не врать. Нет смысла, да и натура не позволяет.

Взросление

Накопилось много мыслей за множество лет. С чего же начать? Вспоминается разное. Самое яркое – из детства. Как папа носил на шее на речку, а мне уже было одиннадцать лет, и его тёща, моя бабушка, дело было возле её дома, ему говорила:

– И что ты её носишь, она уже взрослая. Забалуешь.

А он только смеялся в ответ. Голубоглазый и сильный, красивый.

У нас с ним была безусловная любовь.

Помню, как я стояла с отцом на демонстрациях в советские годы – сначала ехали на разукрашенных, обитых ДВП и лозунгами машинах, а потом – в президиуме – на главной площади города.

Мама одевала меня как куколку: белые колготки, нежные платица. Волосы вились, в пору фотографировать. Что и делалось.

Мама ревновала меня всегда и везде, и прежде всего – к отцу. В нашем городе в то время был единственный магазин, ЦУМ, и папа, приведя меня туда, малолетнюю, накупал в отделе игрушек всё, на что взгляд мой падал. Однажды приобрёл большого жёлтого медведя – он стоил очень дорого. А мама сразу же отнесла его на «мусорку», ещё и негодовала и при этом. Та же участь постигла и меховую собачку Тотошку – я уже успела дать ей имя. На этом я долго плакала и убивалась, не понимая сути происходящего.

А потом стало ещё хуже. Отец – хотя ему было слегка за тридцать, был назначен заместителем начальника строительного треста и каждые две недели стал привозить в дом пачки

денег – где-то шабашил с бригадами в сёлах или получал премии. Мама – идеалистка-учительница в ответ скандалила и кричала, что это «левые деньги». Отец упрашивал её принять пачки купюр, а потом, на взводе, возмущался, что не берут его дары, и сгоряча жёг рублевую валюту в туалете.

Мама держалась при этом стоически. Она всегда была такая – выдержанная и твёрдая, непререкаемая.

Или когда отец привозил с охоты тушу кабанчика, мешок грибов или банки мёда с чьей-то пасеки, отданные ему в благодарность за помощь, и был доволен добычей, думал, что порадует жену и детей, мама говорила всё так же:

– Щеглов, отвези туда, откуда привёз, мне этого не надо.

А может, за то он её и любил? Именно в таком отношении со стороны жены и нуждался?

Наш дом был всегда в идеальном порядке. Мама – замечательная хозяйка. Её не заставишь врасплох. В холодильнике – супы и второе, компот, домашняя выпечка.

А ещё в те далёкие времена СССР мы стояли по очереди, старшая сестра и я, в магазине, чтобы по её заданию купить колбасу или шпроты, сгущёнку, конфеты в коробке, когда их «выбрасывали на прилавок».

Все эти деликатесы держались для гостей. А когда мой отец привёз в дом на Новый год ящик ананасов, то она отвернулась с негодованием. Такая вот семья.

Мама ревновала не только его ко мне, но и его – к незнакомым мне женщинам. Существовали они или нет на самом-то деле – не знаю. Наверяд ли. К частым сдачам строительных объектов отца и его поздним возвращениям после банкетов. Скорее, это просто её эмоции.

Чтобы отвлечь его от надуманных подруг, как я понимаю, мама и замыслила определить меня в музыкальную школу на самой окраине города, хотя у нас и была рядом, через дорогу, как говорят теперь, в шаговой доступности, школа с высокопрофессиональными преподавателями, ученики которых выигрывали конкурсы и поступали в музучилище, а потом и в консерваторию.

Отец терпеливо отвозил меня на служебной «Волге» – водитель или сам за рулём – в эту музыкальную школу два раза в неделю в течение нескольких лет, пока мама не разрешила мне ездить самостоятельно, на трамвайчике.

А в тот самый год, когда мне следовало поступать в музучилище – исполнилось четырнадцать, ближе к лету – мама вызвала меня в кухню и сказала:

– Решай, с кем ты хочешь остаться – со мной или с отцом. Но я хочу, чтобы слова о разводе озвучила ты, а я не я. От тебя должно прозвучать.

Я задохнулась от боли. И побежала рыдать в свою комнату. Отца я любила больше, чем маму. Но женщин всегда жалела больше, даже в своём юном возрасте.

Сдавленным голосом, презирая себя, я произнесла:

– Папа, я хочу, чтобы вы с мамой расстались...

– Дочка, а почему?

– Так я хочу, так надо. Без объяснений.

Отец, опешив, заплакал. Ведь я его предала. А мама торжествовала, расправилась другими руками.

О происходящем и как я себя повела, вклинившись во взрослые игры, жалею до сих пор.

Потом ещё приходила моя бабушка, Мария Кузьминична, она старалась их примирить. Точнее, свою дочь с моим отцом. Падала маме в ноги, защищая отца. Не вышло. Она общалась с зятем до самой смерти и привечала его. Он тещу тоже очень любил. Своими руками, уже после развода с мамой, провёл воду в доме и на огороде, поставил металлическую калитку, выправил забор – многое умел.

В тот год для меня было много потерь: расставание с отцом, старшая сестра поступила в столицу, в мединститут. Дом опустел. И мама стала совсем нервная, по поводу и без повода кричала на меня, злилась.

И тогда я закрыла за собой дверь в комнату и стала заниматься на пианино по восемь часов в день, стирая пальцы на глиссандо и других музыкальных экзерсисах, которых прежде не знала. Засела за «Всемирную литературу», оставшееся время проводила в областной библиотеке, засиживаясь допоздна под зелёной лампой в читальном зале, пока восояси не попросят, занималась по пяти учебникам вместо одного.

Педагоги музучилища по сольфеджио, гармонии и анализу музыкальных форм, когда меня видели, шарахались в сторону, и одна из них, Валентина Николаевна, говорила:

– Вот идёт по коридору Щеглова и катит в своей тележке сто задач по гармонии вместо четырёх, которые я задавала. Татьяна, я их проверять не буду! Где мой чёрный пистолет?

– Валентина Николаевна, – в тон ей отвечала я. – Ваш чёрный пистолет – на Большом Каретном.

... Там всё хорошо было и с юмором. А мама между тем негодовала на меня всё больше:

– Дочь, зачем эти многочасовые занятия? Мне эти звуки музыки надоели изрядно, раздражают, некогда отдохнуть.

И тогда я стала вставать в пять утра и с первым автобусом отправлялась уже в музучилище, где вахтёр выдавала мне ключ от класса. Я никого не беспокоила и могла заниматься, сколько хочу.

... С отцом я общалась до самой его смерти, и с новой его семьёй. А почему у них с мамой так получилось, так вышло? Не знаю.

Звуки музыки

В Доме музыки, где я теперь обретаюсь замом руководителя, всё не по плану. Нет, неправильно сказала: концерты идут каждые два дня и собирают аншлаги. Концертное заведение обязано этим директору, она же художественный руководитель, она же музыковед, моя однокашница со дней музучилища. Позвала к себе на работу, там я и служу, как могу, уже десять лет.

Сначала удивлялась изрядно: как только появилась, с первых же дней мне стали называть худруки коллективов, самые большие из которых – симфонический, камерный и духовой оркестры, а всего у нас работают двести музыкантов, большое сообщество. Жаловались друг на друга, пытались втянуть в свои распри. Мало мне не показалось, с таким столкнулась впервые. До этого работала журналистом в редакциях, где двенадцать-пятнадцать пишущих, остальные – техперсонал. Сбегала на задание, отписала собранный материал на работе или дома. Не до разговоров, хотя свободного времени – предостаточно.

Здесь всё иное. Большая сцена, как ни зайдешь – звуки музыки, настройка инструментов, репетиции... Как будто на излёте лет вдруг оказалась среди своих, с юности знакомых. За инструментами профессионалы. Радовалась такому обретению. И вдруг, как обухом по голове – все эти пустопорожние, ненужные разговоры за спиной друг у друга. Кого куда и кем назначили или перевели в другой кабинет, поближе к дирижёру.

– И как ты только с этим справляешься? – не выдержав, спросила подругу, она же художественный руководитель, она же директор, в том числе и мой.

– Страшное дело, – ответила просто. – Теперь ты видишь, с кем приходится работать.

Однако. Такой вот оказалась богема.

Большие коллективы, как мне рассказали, легко могут сместить с поста своего руководителя, который, собственно, и создал тот самый коллектив. Такие случаи уже были в городе, хотя и не у нас.

Из наблюдений на репетициях, со сцены:

– Что вы играете? – дирижёр с негодованием стучит палочкой о пюпитр. – Вы хотите сказать, что полчаса позора на сцене с этой программой так уж и здорово? А потом, дескать, наступит вечное блаженство, возвращение под семейный кров, к мужьям, женам и детям, у кого они есть. И к чему такая музыка, зачем вы сюда пришли?!

Во время монолога лицо главного дирижёра выражает бурю эмоций. Жаль, что нельзя сфотографировать. Передо мной, перед всеми нами, кто находится на репетиции, не только музыкант, но и лицедей. А иначе как бы он собрал воедино не только звуки, но и всю эту машину оркестрантов симфонического оркестра, состоящего из ста человек?

Не говорю уже за солистов – первая скрипка, она же концертмейстер и заменяет дирижёра за пультом, первая виолончель и т. п. К этим действующим лицам, что называется, и на козе не подъедешь. Другие музыканты, которых большинство, тайком жалуются мне и директору. Раскачивают лодку, в которой сами же и плывут.

Надо сказать, что при обилии талантливых виртуозных исполнителей в музыкальном мире давно уже существует «конкурс инструментов». При равных возможностях на сцене выигрывает и лучше слушается тот, у кого стоимость скрипки или виолончели завершается цифрой с шестью нулями.

– А вот третьей скрипке от нашего концертного заведения приобрели смычок за триста тысяч, – пожаловалась мне одна из оркестранток.

– Вы хотите сказать, что это грустно? – бодро ответила я. – По-моему, просто замечательно! Все вместе будете лучше звучать.

...К чему эти жалобы по всему городу приведут? Помимо того, что наши музыканты обращаются к директору и ко мне, они однозначно заглядывают и в более высокие инстанции на уровне департамента и местного министерства культуры.

Как это ни странно, все эти интриги сверхэмоциональных людей ни к чему не привели и не приведут, кроме новых концертов с аншлагом, новых гастролей по городам и весям, где наших любят и ждут. Перипетии с оркестром длятся более двадцати лет, со времени его создания. Состав обновляется. Дирижёр остаётся за пультом незыблемо, как капитан корабля, который если и покинет его, то в самом крайнем случае и последним. Улыбчивый, лучезарный, в белом костюме и при бабочке. Зрители его обожают.

...Между тем интриги и слухи в коллективах меня уже утомляют. Со временем начинаю думать, что этот ход событий волнует только меня – по причине моей неопытности, возможно, незнания законов большой сцены.

– Они же как дети! – довольная очередным талантливым выступлением своих подопечных, вещает в телефонную трубку директор. – За это им можно многое простить!

Но так бывает не всегда. Директор – музыковед, и когда делает «разбор полётов», мало не покажется никому.

И главный дирижёр оркестра – туда же:

– Отчего вы думаете только о гонорарах? – грохочет он на очередной репетиции, обращаясь на сей раз к маститым приглашённым солистам, в том числе из столицы и зарубежья. – Если вы хотите сногшибательных денег, то езжайте качать нефть за валюту, а на сцене надо отдавать себя слушателю целиком и с другими мыслями!

«Мама миа!», – думаю про себя. И потихоньку начинаю привыкать к тому, что междоусобные разговоры закулисья и парадный выход на сцену всего единого коллектива вовсе даже не противоречат один другому. В репертуаре оркестра – более трёх тысяч произведений русской и зарубежной классики, мелодии патриотических песен, переложения хитов попсовой музыки.

Зритель радуется неизбежно.

Жизнь продолжается.

Тайные знания

Моя бабушка, Мария Кузьминична, простая деревенская женщина, знала про меня, помимо моей воли, всё. Хотя, как сказать, простая... Простая, да не очень. Сейчас поясню.

Выросла она в семье зажиточного крестьянина, в деревнях таких называли кулаками. В его собственности были мельница, крупорушка, большие наделы земли, несколько лошадей и коров, своя пасека, не считая домашней птицы. Девять детей, из которых выжили шестеро – четыре брата и две девочки, получили образование по пять классов в церковно-приходской школе. Работали по дому и в огороде сызмальства, а как подросли – наравне со взрослыми. В случае необходимости мой прадед привлекал в помощь по хозяйству батраков из соседних деревень.

Дедушка мой, муж Марии Кузьминичны, трудился мастером на металлургическом заводе, добровольцем ушёл на фронт, несмотря на предоставленную ему бронь. Фашистов гнал до окончания войны. И когда вернулся, после ранений прожил недолго. Работал на заводе до последнего дня, ходить самостоятельно уже не мог, но был хорошим специалистом, за ним присылали лошадь с подводой.

Похоронив мужа, бабушка осталась одна в частном доме с просторным огородом, который надо было возделывать. Домашнюю живность распродала. Высокая, статная даже в столь зрелом возрасте, аскетичная в быту и самостоятельная, она долгие годы вызывала восхищение вдовцов-фронтовиков. К ней сватались, но она всем отказала. На улице её уважали за мудрость и справедливость, уравновешенный бесстрастный характер, часто приходили за разрешением споров, спрашивали совета.

Так вот. С малых лет я души не чаяла в бабушке, а она – во мне. Родители нередко оставляли меня погостить у неё – и в детстве, и в подростковом возрасте, а повзрослев, я уже регулярно приезжала сама.

Мне всё нравилось в её характере и в быту, уклад и распорядок её жизни и в доме, и на огороде, буквально всё. Мы жили в единении с природой, между собой – душа в душу. В отличие от семьи моей мамы, её дочери, где всё было строго по регламенту и расписанию, у бабушки ко мне был вольный подход. Трапезничать можно было в любое время – сама бабушка по крестьянской привычке вставала не позже пяти утра и, затопив печь, готовила.

Я поднималась примерно к семи часам. К тому времени на столе уже пыхали жаром румяные пирожки с начинкой из яблок, ливера или капуста.

Пирожки по размеру, прямо скажем, были нехилые.

– Десять на ведро, – с гордостью говорила бабушка. Хотя и была немногословна, бахвалиться не любила, но оно того стоило.

А ещё на столе в чугунной сковородке дымилась обожаемая мною жареная морковка – нигде такого не видела, да и не встречала как отдельное блюдо. И жареная рыба свежего улова, которой щедро делились рыболовы, возвращаясь с утренней зорьки, ведь бабушка жила буквально за несколько домов от речки. Зимой в сенцах стояло ведро кваса с хреном и ковшиком, из которого можно было глотнуть, выскочив босыми ногами из мягкой перины. Ох, и бодрит этот замечательный свежий напиток после натопленной печки! А летом, само собой, на стол подавались дары огорода.

Детство у бабушки, урывками, те несколько дней и ночей, которые время от времени удавалось извлечь у судьбы милостью родителей, истекали для меня счастливо и беззаботно.

Помогала ей, чем могла, хотя она о том не просила. Сызмальства приносила воду из колонки – сначала в бидончике, чуть повзрослев, полведёрка, потом и ведро. Подметала подворье и крыльцо перед домом, дёргала в огороде сорняки и помогала собирать урожай; зимой расчищала снег.

Летними вечерами, когда на небе загорались первые звёзды – если поблизости нет фонарей, они опускаются низконизко, – на бабушкино крылечко приходили товарки. Говорили немногословно, с большими паузами.

Но было неимоверное ощущение теплоты, весомости, прочности мира, того, что произошло в этот день, и будет происходить впредь.

...Вступив в пору юности и всерьёз занявшись музыкальными экзерсисами, я стала бывать у бабушки реже. Но она, как ни странно, знала про меня всё:

– Унучка, – такой был у неё диалект. – Недавно ты хорошо сдала, как там у вас называется, экзамен? И получила «пятёрку».

– Да, бабуль. Откуда ты знаешь?

У бабушки из всей техники в доме было только радио, телевизор, который подарил мой отец, выставила во двор по принципиальным соображениям, где он быстро, под дождями, окончил существование. Для телефона в те годы в частном секторе не было линии, да и тот новомодный на те времена аппарат, если его установить, мне думается, постигла бы та же плачевная участь.

– Унучка, скоро твои отец и мать разведутся. Останешься ты со своей матерью, но ты и отца не бросай.

И губы поджала. Скорбела, не понимала такого поступка. Тем более что инициатором развода была её дочь.

Позже мне бабушка рассказала, что часто видит вещие сны, их только надо научиться разгадывать по знакам и символам.

– Это в нашем роду по материнской линии, – пояснила. – Умение и дар к тебе перейдут, сейчас уже есть. Только ты к себе не прислушиваешься.

...Бабушка первая узнала, что я забеременела:

– Тяжёлая, что ли?

– Откуда ты знаешь? – попробовала сопротивляться, ведь я никому об этом не говорила, даже маме. У меня долгое время не получалось родить, боялась потерять ребёнка, тем более что срок беременности был совсем маленький.

– Телёночек за печью во сне привиделся.

Спустя несколько лет, уже после смерти бабушки, я научилась разгадывать знаки во сне самостоятельно, без всяких сонников, и оценила этот нелёгкий дар, это бремя. Тяжело, когда знаешь, что будет с твоими близкими и друзьями, – иногда события исполнялись в три дня, когда-то в полгода. И рассказать об этом не можешь, и повлиять на них – тоже.

Праздник жизни

Для кого-то радостные события – это дни рождения, празднование Нового года, корпоративы.

В раннем детстве я очень любила свой день рождения, когда в нашем доме, помимо родителей, собирались мои тётя и дядя, двоюродные сестры. Был накрыт обильный с разнообразными яствами стол, детям накрывали отдельно, и много подарков. Из всех подарков я больше предпочитала игрушки, это предпочтение сохранилось до сих пор, об этом многие знают.

А начиная с юности, особенно после развода родителей, когда дом опустел, вовсе не любила свой день рождения. Хотелось убежать как можно дальше, заняться чем-то полезным, более важным. Мама этого не понимала, у неё на всё были чёткие даты и праздники, которые обязательно, невзирая ни на что, надо было отметить. На этом в том числе зиждилось её мировоззрение, её мир.

Особенно, начиная со зрелого возраста, меня напрягал Новый год. По-прежнему, хотя у меня к тому времени была своя семья, собирались у мамы. Там был свой ритуал. Надо было

приехать не позже шести вечера, а желательно – минута в минуту. Опоздания вызывали бурю негативных эмоций. К тому времени у мамы уже был готов изобильный стол – сначала она готовила по кулинарной книге советских времён, позже к ним добавились газетные вырезки, ещё позже – рецепты по интернету. Она всегда любила новое, что называется, была в тренде. Всегда у неё это получалось: в еде, в одежде, в содержании и обновлении дома.

Особый, внесённый мной ритуал – подарки под ёлкой. Мы все делали вид, что сюрпризы друг другу – от Деда Мороза. Готовились заранее, с небольшой открыткой-пожеланием кому и что предназначено, а рассмотреть подарки можно было только после боя кремлёвских курантов, не раньше.

Ещё я изобретала шарады и конкурсы с призами, иной раз выпускали с сыном домашнюю новогоднюю стенгазету, играли на инструментах, ведь оба мы – музыканты. Ещё в ход пускались домашнее лото, шахматы, шашки.

Но самое мучительное было в том, что по желанию мамы всё это происходило вокруг новогоднего стола с большой и обильной сменой блюд. И главным действующим лицом в этом совместном времяпрепровождении был телевизор. Сначала – с программой «Голубой огонёк», где были хотя бы премьеры песен на весь год, а позже, в другие лета – однообразные концерты с заезженными за множество лет исполнителями и «Старыми песнями о главном». Наши домашние праздничные посиделки длились, как минимум, до пяти утра.

Многими десятилетиями я с этим смирялась и выполняла эту мамой придуманную традицию. Но позже, когда сама уже перешла в, мягко говоря, более чем зрелый возраст, то взбунтовалась и перестала приезжать в новогоднюю ночь под мамину ёлку. Семья меня в этом не поддержала и в том числе сын. Сначала обиделись. А потом успокоились и просто передавали на следующий день салаты и прочие домашние вкусности, что называется, с доставкой на дом.

С корпоративами – то же самое. Где бы я ни работала – в небольших редакциях или в крупном холдинге, меня всеми силами пытались вовлечь во всеобщее веселье. Чем больше сопротивлялась, тем больше и пытались вовлечь. Закон физики, который помню со школьных лет: сила давления равна силе сопротивления.

Сначала, оказавшись в новой среде обитания, я и вовсе не приходила на совместные праздники – им несть числа, и большинству людей они нравятся, как то: помимо Нового года и 8 Марта, проводы зимы, дни рождения и прочее, прочее. А ещё есть фантазия, чтобы, например, отметить приход весны, проводить золотую осень, зимой покататься на льду на коньках, но сначала, конечно же – ресторан. Всегда старалась от этого бежать.

...Итак, что же для меня настоящий праздник? Когда я что-то могу сделать сама. Пусть и незначительное, но для меня более зрелое и значимое: написать статью или рассказ, разучить что-то новое на пианино, кому-то помочь в разрешении трудного вопроса своими скромными навыками или через консультацию знакомых – есть теория пяти рукопожатий, всегда до сути дойдёшь, даже в чём прежде не понимал. Или просто утешу по телефону, иногда в нужное время, и это кого-то спасает.

Со времён древних греков существуют «линия Платона и Аристотеля», идеализм и материальное, реалистическое познание. В жизни их теории, учителя и ученика, отличаются примерно, как небо от земли. Не вдаваясь в подробности, неосознанно большую часть жизни я следовала линии Платона, хотя за это нередко называли чудачкой, только сейчас это понимаю.

Нравоучений не люблю, не моя стезя. И тем не менее для юности и молодости скажу: застолья и праздники по-настоящему неизбежны только в детстве, когда от тебя мало что зависит и невозможно этому сопротивляться – давлению взрослых, их привычкам.

Потом, хоть чуть-чуть повзрослев, берегите в себе то духовное тепло, которое уже появилось, и бегите от пустопорожних мероприятий, старайтесь потратить время на что-то полезное. Это и будет настоящим торжеством и праздником жизни, вашим праздником.

Далёкое близкое

У меня очень хорошие родственники, крепкая семья. О чём думаю сейчас? Своим, «малым кругом», по истечении лет собираемся на дни рождения, юбилеи и т. д. и т. п., теперь уже коротко, в ресторане или кафе. Более дальний круг – кузины и их семьи – по более значимым событиям: крестины, похороны, свадьбы. И они всегда подставят своё родственное плечо, встанут рядом, особенно в трудную минуту. Общаемся много лет, но чаще, в обыденной жизни, разговариваем по телефону, просто чтобы напомнить о себе и проявить свою родственность.

Единомышленников по духу и своих подруг вижу чаще. Нам не нужны такие глобальные поводы для разговоров и встреч. Допустим, художники переслали фотографии своих картин на сотовый телефон или ноутбук или, ещё лучше, принесли в дом показать, что называется, «живую». Рассматриваем, обсуждаем.

Писатели из моего «литературного округа» шлют повести и рассказы, читаю и разговариваем на эту тему. Мне это интересно. Радуюсь, когда у кого-то получается что-то весомое. Ещё больше радуюсь, когда, на мой взгляд, у кого-то вышло лучше, чем могла сделать я. Они, начинающие, смущаются – пришли, дескать, к патриарху литературы, а в ответ – триумф и добрые пожелания. Не ждали, никто ими особенно и не занимался, а мне эти встречи – в счастье, такая смена растёт!

Ещё раз о подругах. Когда я легла в одночасье – пришла на своих ногах, а выписали из больницы в инвалидной коляске, теперь передвигаюсь в ней даже по дому, то те самые соратницы приходили ко мне, далёкие и близкие, и помогали, кто чем только может.

Мне было очень неловко. Привыкла быть сильной выносливой и чем-то руководить. Но тогда уже начались другие дни, что называется, «взгляд из окна», и к этому надо было привыкать.

Сначала лежала по много часов в день, встать не могла – дверь была нараспашку, приходили девчонки, как я их называю, – помоложе и постарше меня, иным было даже за 70 и более. Что-то готовили на кухне, перестилали постель, хлопотали, убрали в квартире, между делом общались между собой, подружились. Относилась я к тому индифферентно, не было ни сил, ни эмоций.

Из собеса между тем привезли две инвалидные коляски: одну для дома, другую, побольше, для прогулок на улице.

По дому, на маленькой, прокатилась пару раз для интереса, а вторую так и не опробовала, попросила позже тех, кто ко мне приходил, обе их убрать на балкон. Что и было сделано к обоюдному удовольствию – подружек эти каталки в доме смущали и пугали, не привыкли видеть меня инвалидом.

Двоюродные сёстры, мама и сын теперь появляются часто – с тех самых пор, как мне показалось, что мой дом закрыт, а получилось – напротив, открыт нараспашку, утром и днём, приносят лекарства и что-то там из еды – теперь даже я научилась готовить.

Сначала опиралась на ходунки и держалась за стеночку, пробираясь на кухню. Не могла зажечь спичку, поднеся её к газовой конфорке, – она догорала значительно раньше, жгла пальцы. Потом подруги принесли бамбуковые палочки, которые горят значительно дольше, зажигаясь от спички, и у меня, что называется, процесс пошёл.

Вспомнила, как готовила вместе с мамой – повторюсь, она у меня замечательная хозяйка, а на какие-то свои, авторские рецепты и моей фантазии хватило – тем более сейчас, когда из-за болей и бессонницы мой день раздвинут до бесконечности, и стала стоять у кухонной плиты, что-то изобретать.

Подругам и приходящим домочадцам моя стряпня нравилась, и то уже хорошо, с моей стороны – маленький, но подвиг.

Мне становилось всё хуже. Врач-невролог из поликлиники прописала сильные таблетки от боли, полунаркозу. Попробовала единожды. Опыт оказался неудачным. Глаза стали красные, руки-ноги трясутся. Что называется, таких не берут в космонавты и в наркоманы – тем более поздно уже начинать. Еле добралась до телефона, позвонила приятельнице. И та, забросив другие дела, начатые на даче картины – она художник, примчалась из райцентра за час.

Мне с ними просто, с подругами. В отличие от мамы и сына, они не будут рассматривать, что и где лежит, вытерта ли пыль, хоть я и стараюсь соблюдать чистоту, но быт у меня не идеален, а тем более сейчас, во время болезни.

Сын промолчит, хоть и педант, а мама, побывав у меня, не сразу, а через три-четыре дня выскажет претензии и замечания – такой у неё характер, критический ум педагога, привыкший выставлять оценки. В химической лаборатории, которой она заведовала многие годы, мама неизменно пребывала в накрахмаленном белом халате, как врач, и у неё была своя лаборантка, считай – медсестра, которая подготавливала для студентов пробирки с химическими соединениями, весы с точностью до миллиграмма, и позже мыла посуду после опытов.

С подругами и знакомыми – другое. Они приходят в мой дом, как в музей или творческую лабораторию. У меня немало музыкальных инструментов, картин, предметов декоративноприкладного искусства и, конечно же, книг. Подолгу общаемся, соратников по духу не смущает некий хаос в моей квартире или как я одета, иной раз не всё комильфо.

Интересно, что в церкви, подавая требы, в первую очередь принято вписывать родню. А святые отцы в своих заповедях и письмах к духовным чадам указуют, что все вокруг папы и мамы, братья и сестры. Это мне больше понятно. Как могу, стараюсь помогать тем, кто нуждается по-настоящему, без разделения на своих и чужих.

Моё окружение – спасатели и единомышленники. Друг другу интересны и смотрим в одном направлении. За что и благодарна.

Портреты

Свой первый автопортрет я написала в двенадцать лет. Устроилась напротив зеркала с простым карандашом, акварелью, листок из альбома и начала красить школьной кисточкой. Чтобы выглядеть старше, надела мамины очки в тонкой золотистой оправе. В то время многие носили такие оправы. Но мама была для меня верхом элегантности, и я хотела на неё походить.

Что мною двигало? Сейчас уже думаю, неосознанное желание познать себя. Как выгляжу со стороны и что люди думают, глядя на меня. Такая наивность!

Маме портрет понравился, она его похвалила. Дальше – больше. Через несколько дней, облачившись в другие наряды, опять уселась напротив зеркала и постаралась представить себя в пятьдесят лет. По сути, нарисовала свои мысли.

– Что это за старуха? – возмутилась мама, когда я ей показала результат своих трудов. – Немедленно выброси. Ты такой не будешь ни в пятьдесят, ни в семьдесят лет.

Она оказалась права. Сейчас, когда я прожила уже более полувека, мне говорят, что всё ещё выгляжу как девчонка. Возможно, из-за поджарой фигуры. Или просто хвалят?

После двадцати, когда я уже работала в редакции областной газеты и выезжала для интервью с маститыми художниками, я писала про них, а они, одновременно, рисовали меня. Это было интересно, сотворчество. Работа двигалась быстро, и мне был интересен сам процесс. «Натурщицам надо платить, да и потом ещё не отстанут» – так мне объясняли эти просьбы позировать.

По их пожеланиям приходила ещё на сеансы, но не более двух-трёх раз, с этим сразу отрезала, а дорисовывались портреты уже без меня. Дружеское общение оставалось, заходила потом, через долгое время, на чашку чая и обоюдные беседы.

Однажды один именитый скульптор, действительный член Академии искусств, вылепил меня в бронзе, камерную фигурку сантиметров на сорок, подарил мне, а большую копию хотел установить в парке и назвать её «Сидящая под луной». С городскими властями на тот момент договориться не получилось, тема ушла в небытие. Потом я, показывая эту скульптуру своим друзьям и близким, шутила: «Вот видите, мне ещё нет и тридцати, а я уже забронзовела». Такие вот глупые шуточки.

Позже и долгое время меня изображали на своих полотнах разные художники – удобная, «компактная» натура, да и собеседник неплохой.

Часто дарили портреты – приняла только один и пару работ приобрела, когда потребовалось поддержать кого-то из них финансово.

Картины эти до сих пор всплывают на аукционах и в галереях соседних городов – друзья мне шлют фотографии на сотовый.

А я, вспоминая о том времени, думаю о том, как боялась превратиться в тусовщицу. И вместе с тем не могла сдержаться, чтобы не увидеть настоящего творчества.

Мне посчастливилось пообщаться со многими интересными думающими людьми. Коснись заново – поступила бы так же.

Тем более что каждый раз, глядя на очередной выходящий из-под кисти мастера портрет, я наблюдала, как они меня воспринимают и видят – каждый по-своему, и невольно вспоминала тот первый, свой детский автопортрет. С годами вопросов к себе остаётся всё меньше и меньше, приходят прозрачность, ясность и чёткость, как на японских гравюрах, о том, кто я есть на самом-то деле.

Прощайте все!

Они появились под утро, толпа более пятидесяти человек. И я, вставая спросонок перед их взором, ещё и подумала: «Надо же, и как они все здесь оказались? Дверь-то закрыта». На тот момент единственные мои домочадцы, собака и два кота, поджав хвосты, скромно молча сидели по разным углам. «Ничего себе», – продолжали бежать мои мысли.

Мне пятьдесят пять, работаю в Доме музыки, и никто давненько ко мне не заходит. Сама сделала себя отшельницей, больше времени провожу за компьютером, чем на людях. Тому и рада. Если бы не новый федеральный закон от президента, который увеличил срок службы, – была бы на пенсии. А так ещё четыре года ожидания пособия от властей, прежде чем окончательно сойду со сцены.

Да. «Князь Василий был дряхлый старик, ему исполнилось пятьдесят», – вспомнилось из классики. Я вся набита цитатами, на все случаи жизни, что называется, человек книжный, и ничего не могу с этим поделать.

На сегодняшний день я взяла академический отпуск и делаю вид, что усиленно над чем-то размышляю. Допустим, над новой книгой, над жизнью. Хотя на самом-то деле это не так.

Так откуда все эти люди? Возможно, что и начальница моя, Наталья Сосновская, рано или поздно здесь обнаружится. Но пока что её не увидела.

Так вот, в очередной раз рассказываю о себе. Собачка у меня охотничья, что называется, более чем весёлая, бурная, и с её появлением большая часть подруг и потенциальных моих гостей отсеялись ещё два года назад – как только в доме воцарился лохматый белый щен. А здесь...

Вдруг сразу столько гостей, так много народу, и ничего-то их не смущает! Для однокомнатной квартиры, где я обретаюсь, такое сообщество – большой перебор. Бесцеремонно заполнили моё жизненное пространство. Так что многим из пришельцев за нехваткой коридора, кухни и комнаты пришлось тесниться на балконе.

«Интересно, не сплю ли я, в принципе?» – потерла глаза. «Да и чего же они, наконец, хотят?»

Сразу, как только обнаружила эту демонстративную группу, я накинула поверх пижамы для приличия халат – всё-таки гости, негоже их так встречать. И приготовилась к ответу, а возможно, к судилищу. Не просто же так они ко мне заявились.

Наконец, первые из них протиснулись вперед. Вся сцена выглядела очень натурально, как будто я присутствовала на кинопробах, и сама же была режиссёром этой постановки. О, Боже! Так это – герои моих книг!

Прошло несколько томительных минут, как первый из них заговорил. Ещё бы! По статусу положено именно ему.

Герой № 1

Персонаж книги «Барин XXI века», романа, который принёс мне литературную премию, Алексей Шкрапкин, мой главный герой.

– Татьяна, – строго обратился он в мою сторону. – Начнём с того, что ты, используя мою биографию, многое присочинила. – Дала мне другую невесту, а далее и жену, а также присвоила качества, которыми я вовсе не обладаю.

– Вот именно, – парировала я. – Я подарила тебе лучшие качества и душевные метания русского интеллигента, которыми, скорее всего, ты вовсе не обладаешь. На всякий случай заменила фамилию. Дала твоему жизненному сюжету свой поворот и развитие событий. А как же ещё бывает в литературе?

Рассказывая о себе, ты-то предполагал, что я опишу твою биографию как в книгах ЖЗЛ, но я не пишу на заказ. Пускай этим займётся кто-то другой. А так, прости, получился «сугубо русский роман», в котором фигурирует наряду с тобой герой войны 1812 года Муравьёв-Карский, на чьих землях ты разместился, и чьей усадьбой сейчас благополучно распоряжаешься.

– Ну ладно-ладно, не кипятись, – отступил Алексей. – Я и не против... Это просто так, к слову, поговорить...

– Роман мой заставляет о чём-то задуматься и достаточно образно живописует наше время, – продолжала наступать я. – И чего ты смущаешься? Твоего настоящего имени там и нет.

– Но меня и так все узнали.

– Кому-то понравилось, кому-то и нет, но ведь ты, как я понимаю, доволен? Как ни крути, а я тебя увековечила на литературных страницах. Твои деяния и недеяния, разве этого мало?

Кстати, уважаемая мною писатель Дина Рубина давно уже сказала, что с появлением интернета, различных логинов и ников, имена чуть ли не уходят в прошлое. Теперь она уже не раз давала реальные имена своим литературным героям. А если вспомнить классиков, Александра Сергеевича, Льва Николаевича и Лескова, с многочисленными сносками в их академических изданиях, то становится очевидным, насколько точно они описывали своих современников. Так что ты уже лучше помолчи.

– Ладно-ладно, – Алексей закрылся руками, – это я так, не подумавши.

– То-то же, – подытожила я. – Тем более что я отдала в невесту и спутницу жизни лучшую мою подругу Елену Смолеевскую, которая, в отличие от тебя, совершенно прозрачна в поступках и занимается любимым своим делом. Её глиняные игрушки и краеведческие эпические композиции есть во многих музеях России, про неё давно уже пишу и свои статьи. И ещё, прежде чем выбрать её тебе в надёжные спутницы и описать всё происходящее, я добросовестно лепила из глины уточек и котов, только они все получались кривыми. Так что пора-дуйся такому хорошему соседству С ней, в отличие от тебя, всё ясно!

Так что в новом рассказе, раз уж вы все сюда пришли, и ты – во главе, я уж точно назову каждого по именам. Чтобы не путать читателя, и моим последующим издателям не делать сносок. Прости, Алексей, не взыщи.

Герой № 2

А потом подошёл элегантный мужчина в возрасте примерно девяноста лет. Его я сразу узнала. Теннисист, литератор, коллекционер из старинной дворянской фамилии, в которую входили депутаты Госдумы первого, ещё царского, созыва, писатели, помещики, меценаты.

Роман о нём «Ночь светла» был напечатан в Америке, Германии и России.

– Кхе-кхе, прокряхтел он. – Деточка, – он так ко мне обращался, мог себе позволить. На склоне лет переехал из Зальцбурга в русскую деревню, где, конечно, уже не был помещиком. – И почему же ты написала, что я плохо играю на виолончели? Ведь я играл с самим Ростроповичем! Да и ты не раз мне аккомпанировала.

С этим мне стало стыдно, тем более что он подарил мне ноты, и я ему действительно аккомпанировала.

– Михаил Михайлович, – неловко залепетала я. – Так в тот момент, в реальной жизни, я постеснялась сказать, как вы ужасно фальшивите, в книге как-то проще о том написать...

– Бумага всё стерпит? А зачем приписала, что моя молодая вторая жена якобы завела роман с моим сыном?

– Так ведь нужен сюжет, драматическое столкновение интересов, – продолжала оправдываться я. – К тому же ваш образ описан более чем элегантно, вы там – держатель корней рода.

– Кхе-кхе, – прошелестел он. – Ради красного словца, как говорится. Михаил Михайлович, выросши эмигрантом, любил русские поговорки. – Но мне нравится твоё лёгкое перо и изящный слог. Я тебя прощаю.

С тем и удалился. Ещё одним в моей комнате стало меньше.

А я задумалась о том, что такое правда и ложь.

Так что же такое правда?

Наверное, такое понимание приходит с возрастом. В юности хотелось неких изощрённостей. Вспоминаю, как в музыкальном училище у нас, пианистов, чуть ли неприличным считалось увлекаться музыкой Чайковского и Рахманинова. Особый шик и рафинированность – Скрябин с его потусторонними треньканьями и трелями в верхних регистрах. На грампластинках мы, студенты-отличники, слушали Шнитке и Эдисона Денисова, Софью Губайдуллину. Сама я с увлечением разбирала музыку Хиндемита с его пометками о звоне разбитого стекла в партитуре и какофонной импровизацией для каждого инструмента оркестра.

Если говорить о живописи, чуть позже я увлеклась местной группой «Арт», в которой состояли не только художники, но и теоретики. На волне своих фантазий они нагромождали на полотне незнамо что – маскарад из карликов, графьёв и графинь, а также клоунов, перевёрнутых сюжетов всех мастей и народов. Тогда, в девяностые годы, эти картины неплохо покупали за границей. Хотя подспудно, будучи неплохо образована, я уже понимала, что это чужие перепевы, и тот же Казимир Малевич давно уже поставил на этом жирную точку в виде своего «Чёрного квадрата». Впрочем, оценив его оригинал на одной столичных выставок, могу сказать, что этот квадрат не такой уж и чёрный. Есть там свои мыслишки, в том числе и по цвету.

Теперь на моей стене из живописи – только реалистичные пейзажи и пленэрные натюрморты, конечно, написанные в современной манере – всё-таки XXI век. Лаконичные, ясные – нужна самая суть! – сделанные с натуры. То, что правдиво, и сердцу близко.

Слушаю или играю Чайковского с его музыкальными цитатами доморощенных русских наигрышей или Рахманинова с его колокольными перезвонами почти что в каждой строке.

Музыка – ступень к молитве. И потому, хотя и служу в Доме музыки, разлюбила оркестры. Для меня лучшее песнопение – наш камерный хор, который поёт а капелла. А ещё

лучше – хоры в монастырях. Поют не особенно точно, но от их ангельского пения душа воспаряет ввысь. Это первоначальное и верное её предназначение.

А для чего музыка ещё и нужна?

Один мой знакомый однажды справедливо заметил, что врать очень обременительно – хотя бы потому, что можешь забыть, кому что сказал, всего в голове не удержишь, что я уже и процитировала. А говорить правду – значительно проще и легче дышится.

От себя ещё добавлю: говорить правду значительно лучше и в живописи, и в литературе, и в жизни. Но род человеческий лукав. Вся история искусств, хотя и вышла из церквей, доказывает этот факт. Выйдя на свободу, мастера искусств за много веков излишне увлеклись до того, что часто их продукция достигает абсурда. На сегодняшний момент настоящая правда только там, в храмах, и осталась – в литургии, во фресках и в песнопении.

Без всяких театров, бесплатно. Заходи, душа, и воспаряй!

Как видно, и я насочиняла много излишних нагромождений в литературе. От того-то мои герои ко мне и пришли. Меня покарать.

«Насочиняла грехов и молитв, хуже не стало, а сердце болит». Когда я написала эти строки, мне было чуть более двадцати лет. Вот именно. Пора и расплачиваться.

Хотя во всём бывают приятные моменты.

Герой № 3

– Татьяна, – с улыбкой протиснулся в первые ряды Вячеслав Грыжанов с теннисной ракеткой в руке, герой моей повести «Примите удобную позу», которую я ему посвятила с надписью: «Записки на краю стола – тебе, незабвенный В. В.!». Ещё и в предисловии написала, что, как умею, прокладываю всем нашим дорогу в сады иных возможностей. А почему записки? Потому что, сидя на многочисленных совещаниях в ресторанах Вячеслава, я что-то записывала на салфетках, а придя домой, выкладывала их в целлофановый пакет. Когда этих записей собралось предостаточно, я вытряхнула бумаги на стол, разложила по хронологии, добавила небольшие труды на сюжет – вот так и получилась повесть.

– А я тебе благодарен. Ты, как и обещала, проложила нам тропинку... в сады иных возможностей. Спасибо тебе! Но ведь и я тебе что-то новое показал. Большой теннис, плавание, йога. А ещё другие страны и иные миры. Так ведь? Мы расстаёмся друзьями.

– Спасибо тебе, Вячеслав. Ты настоящий локомотив. И когда вышла книга про твой холдинг, в котором и я когда-то работала, выпускала гламурный журнал, никто не поверил ни в Липецке, ни в Германии, что такие креативные люди бывают на самом деле, и можно так интересно и динамично жить. Иной раз правда покруче вымысла.

Да, кстати. На самом-то деле пишу я стремительно, быстро и только тогда, когда не могу не писать. Поэты так создают стихи. А я теперь уже – прозу. На едином дыхании, на единой волне. Если рассказ – то в один присест.

Увидев своих гостей – я уж поняла – не смогу удержаться.

Героиня № 4

Между тем ко мне скромно подошла героиня рассказа «Первый – математика» Яловенко Нина Станиславовна.

– Танечка, я вас вспомнила.

Ещё бы! Много лет назад, будучи пятиклассницей, я посвящала ей первые стихи, рисовала её портреты в школьном альбоме, и она отвечала мне обратными стихотворными посвящениями, которые тихо совала мне вместе с шоколадными батончиками на переменах. Это была наша огромная счастливая тайна, моя первая влюблённость – в учительницу, которая только что вышла со скамьи пединститута. А когда всё открылось, из ревности других педагогов и некоторых учеников её вызвали на педсовет «за непедагогическое поведение», а я сва-

лилась дома в нервной лихорадке с высокой температурой. Когда я объявилась в школе после болезни, её уже не было. Исключили из школы. Заставили написать заявление по собственному желанию.

Много лет после этого она торговала на рынке мёдом.

Волею судеб я случайно узнала её адрес и телефон спустя тридцать лет. И она... Не смогла меня вспомнить! Об этой истории и написан рассказ. Так вот.

– Танечка, – на сей раз сказала она мне. – Я просто постеснялась тебе обо всём рассказать. Слишком уж больно, неловко рассказывать. Моя жизнь не сложилась, как я хотела. Есть муж, двое детей и внуки, домик и огород, пчёлы и кролики. Но не этого я ждала. Я уже показала всё, чем владею, я же тебя хорошо приняла? А ты почему-то пропала, не захотела общаться.

– Я увидела главное. То, что вы живы.

– Те розы, которые ты мне привезла, долго стояли, а позже я сохранила отдельные лепестки. Я потом много раз тебе звонила.

Ремарка. О времени и о себе

На самом-то деле главный герой моих книг – это время. Интересно, и как оно себя здесь проявит? Размышляя об этом, я перебирала события последних нескольких лет, свидетелем которых я стала. В любом случае, главное событие, под которым мы все сейчас живём, – это война с Украиной. Её почему-то называют «специальной военной операцией», но это не так. Когда рушатся дома и убивают мирных жителей, на фронте погибают молодые бойцы, то надо называть события своими именами. Славяне убивают славян.

По возрасту меня не взяли в районы боевых действий военным корреспондентом, уж слишком стара. Но в Доме музыки нам удалось провести в пользу наших воинов благотворительный аукцион картин, там также была представлена керамика. Часть работ мы дали из своих частных коллекций – мой руководитель Наталья Сосновская и я. А средства направили районному ателее «Добрыня», их мастерицы уже больше года бесплатно шили после работы для фронта. А деньги были нужны на закупку тканей и фурнитуры. Женщины из района приехали к нам, в Дом музыки. Одна из них рассказала участникам о том, что её сын, кадровый офицер, сейчас на фронте. Через несколько дней я узнала, что он погиб. Оркестр Дома музыки играл на похоронах. Гробы всё прибывали и прибывали...

Любая мысль, как известно, материальна.

Ах-ах, всё-таки и Наталья Сосновская пришла! И кто бы мог подумать! Моя руководительница, с которой мы вместе занимались в музыкальном училище с юных лет, позже пути наши разошлись. Как уже говорилось, я ушла в журналистику, Наталья – в музыковедение. И, наконец, став руководителем нескольких музыкальных коллективов, соединённых в Доме музыки, пригласила меня к себе. Теперь там и тружусь. Как могу, служу прекрасному, доброму, вечному. Ещё не работая под её началом, я описала с её участием несколько эпизодов в повести «Чётки», книга вышла в том числе и в Германии. А позже я изменила название повести и посвятила ей свою книгу «Авиаторы света».

– Ого, – удивилась я. – Ты всё-таки пришла!

– А как же! – рассмеявшись, отвечала она, смеяться ей нравится. – А то, может быть, опять не то про меня сочинишь.

– А я-то думала, что ты сейчас в отпуске, в южных краях на море плаваешь.

– Так и есть.

– Камушков привезёшь?

– Нет, конечно. Их можно и у нас в городе купить.

– Так-то не интересно.

– А знаешь, о чём я думаю?

– Конечно же, нет, в чужую голову не влезешь.

– Я рада тому, что ты снова пишешь. Хотя бы на полгода свой пар выпустишь. Писатель должен писать.

– А что, так сильно напрягаю?

– Бывает.

Герой № 5

А потом на передний план скромно протиснулся художник Коля Углов. Я посвятила ему рассказ «Тем, кто меня любил» – своеобразный прижизненный рекевием тем, кто ушёл из жизни, хотя Коля тогда ещё жил. Придя в его мастерскую, скромно спросила:

– Не обидишься, что тебя похоронила заранее?

Мы потом вместе прочитали рассказ, он ему понравился, и Коля согласился, чтобы его напечатали. А потом был ещё рассказ «Лики любви»...

Я приходила к нему в мастерскую, в обветшалый барак, в котором он жил и где рисовал бессмертные картины, которые покупали в Москве, Австрии и Париже. В Париже, кстати, ему предлагали остаться, но судьба распорядилась иначе, теперь его нет.

Кстати, глядя на своих персонажей, я удивлялась, почему и каким образом они собрались и очутились вместе, живые и мёртвые – это остаётся для меня загадкой.

– Любимая моя, верная, – продолжил Коля. – Я так много тебя рисовал.

– А я про тебя писала. И твой-мой портрет под названием «Лики любви» стал названием моей книги, он напечатан на её обложке. Ты многому меня научил. Отказался от Парижа, как позже и я отказалась от предложения жить в Германии, потому что, как правильно ты заметил: «Заниматься живописью или литературой можно везде, было бы что сказать людям. Кому надо тебя увидеть, те сами к тебе придут, хоть и в барак».

И вот все они и пришли, более пятидесяти человек. Не со всеми поговорила за это короткое время – уже светало, мой «тонкий сон» оканчивался, не про всех могу рассказать.

Я поклонилась им в пояс. И сказала: «Простите меня, милые мои герои. Если что лишнего сказала или, напротив, недосказала. Вы многому меня научили, каждый из вас. Простите и отпустите на волю, как и я вас отпускаю».

Они в ответ, все как один, тоже поклонились, даже те, кто стоял на балконе. Все как один. И только поэт Людмила Парщикова осталась.

Ага. И вдруг ещё вклинился в разговор редактор литературного журнала «Петровский мост» Игорь Безбородов.

– Татьяна, ну ты даёшь! – так он сказал. – Мало того, что ты однажды в своём интервью укорила: «В Липецке меня не печатают», так и теперь не знаю, чего ворочаешь.

– То есть?

– Собрала здесь нас всех вместе, живых и ушедших, не знаю зачем, наверное, чтобы поспорить, и пытаешься доказать здесь свою правоту. А ведь я всегда печатал тебя, и ты и в общественной редколлегии есть.

– Игорь, а знаешь ли ты, что такое искусство? Просто преувеличение или приуменьшение действительности, собранное в единый кадр – будь то литература, музыка или живопись, любые жанры и формы – партитура, картина, рассказ. К этой же теме можно отнести и художественную фотографию. Задача и цель – что называется, «выразить себя» и не более. При написании творческой работы автор, прежде всего, движим своим сиюминутным настроением, жизненной энергией и опытом. Оценит ли эти труды читатель и зритель – время покажет.

– Ну, вот куда загнула, даже и за литературу обидно, – протянул Игорь. Всегда был немногословен и спорить даже не захотел.

– Ты знаешь, – ответила я. Он был идеальным собеседником. Много что знает и понимает, и мало говорит в ответ. – Есть знаменитая компьютерная фирма, в эмблеме у которой – надкусанное яблочко. Компьютерные технологии зашкаливают, и роботы приходят на смену

человеку. Познание завело в тупик, как и первых людей на Земле, описанных в Библии в истории с тем самым яблочком и искушением змия. Всё то, что происходит – совсем не случайно.

– Татьяна, ну зачем так грустно? – отвечивал. – Вспомним кинофильм «Терминатор». Надеюсь, мы с тобой это время уже не застанем. На этом фоне литераторы, музыканты и художники – все те, кто живёт от сердца – просто ангелы. Творят, не ведая о том, доброе дело.

Людмила Парищикова

Люда – из тех моих героев, кто уже ушёл из жизни, обожаемый мной поэт Людмила Парищикова, про которую я тоже писала, хотя и в небольших эпизодах. Её книги выходили малыми тиражами, и при этом у нас её называли Анной Андреевной нашего времени, она могла позволить себе сказать: «Время прозрачно, как совесть, всё уже названо, то есть необратимо уже».

Людмила редактировала мою книгу стихов и назвала перед смертью моё имя друзьям, как единственной своей ученицы – хотя я на такую честь никогда не рассчитывала, и сама Люда прилюдно нередко говорила, что у неё нет учеников.

На сей раз – иначе. Выплыв из небытия и оставшись наедине со мной в скромном моём жилище, она сказала:

– Вот сядешь на облаке, где многие там сидим, и будешь похвально, как и все мы между собой, чего мы только не имели: денег не имели, дачи не имели, больших тиражей своих книг не имели...

– И зачем тогда, Люда, всё это? – я спрашиваю. – Проза, стихи и вся наша писанина?

– А с тем, чтобы попасть на облако. Каждый должен делать, что может.

И тогда я ей процитировала Людмилу Улицкую, у меня на литературу хорошая память: «Вот потеряю руки, ноги, голову и возраст, и дату рождения, и дату смерти, а также пол, адрес и e-mail, вот потеряю имя и фамилию, и будет хорошо». Это из её книги «Люди нашего царя».

– Не то, не то, – запротестовала Людмила. – Произнеси своё, чтобы я там, на облаке, за тебя заступилась. И тогда я уйду спокойная, мы попрощаемся.

Я долго подыскивала слова. Они не устраивали меня, а значит, не устроили бы и её.

И, наконец, я сказала:

– Люда, это будет моя колыбельная тебе. Из той моей, первой книги, которую ты редактировала: «Молила. Старый грех и чувства. / И стыд прошёл. Но стало пусто/ И так душа моя легка, /что можно трогать облака. /И так нежна моя кровать, / что можно небо обнимать. /Я не бранюсь и не неволю пустырь. /Быть может, это – воля.

И Люда Парищикова в ответ мне сказала:

– Да, это как раз то, что надо.

Всё исчезло.

Узоры на окнах

Возможно, всё то, что сейчас написала, похоже на некий дневник. Но это не так. Скорее – итог, обобщение. Из дома давно не выхожу. Несколько лет. Первое время это вызывало всеобщее соучастие даже больше, чем надо, повышенное внимание. Потом все привыкли к моей болезни. Приятельницы и соседи перестали звонить с предложением сходить в магазин или вынести мусор. Возможно, и я так бы действовала на их месте – совсем равнодушно, устав от взятых на себя добровольных обязательств. Хотя, нет-нет, маловероятно. Что касается меня, не было настоящего случая проверить. Помогала далёким и близким кратковременно – месяцы, год – они либо выздоравливали, либо уходили из жизни. Интересно – знают ли они, все те, кто меня опекал, что я всё ещё жива?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.